

Абхазские народные сказки

Умная невестка

Жил когда-то на свете владетельный князь. И был у него сын по имени Ахмат. И вот, когда Ахмат вырос, а князь состарился, решил отец испытать своего сына и единственного наследника. Призвал он к себе Ахмата и сказал ему так:

– Сын мой, завтра на рассвете мы отправимся в горы. Позаботься же, чтобы всё было готово для дальнего пути.

– Хорошо, отец, – сказал Ахмат.

С вечера велел он слугам приготовить в дорогу хлеба, вина и сыру, а сам ещё до рассвета оседлал двух самых лучших коней и в назначенный час подвёл их к крыльцу.

Отец осмотрел коней и остался доволен. Потом взглянул на сумку с едой и говорит:

– На что нам еда? Оставь её, сын мой.

Ахмат не стал спорить с отцом и покорно отвязал сумку от седла.

Потом отец и сын вскочили на коней и тронулись в путь.

Долго ехали они. Солнце поднялось из-за гор – они были в дороге. Солнце ударило им в глаза – они были в дороге. Солнце стало над головой – они все ещё были в дороге. А куда ведёт эта дорога и зачем они едут по ней, не знал Ахмат. И гор этих никогда он не видел, и про ущелья эти никогда не слышал. Наконец доехали они до места, где дорога расходится вправо и влево.

Остановил тут князь своего коня и говорит сыну:

– Ахмат, сын мой, сколько часов уж мы в пути, а конца ему не видно. Голод мучает меня, и усталость сковала моё тело. Не найдётся ли у тебя чего-нибудь, чтобы утолить мой голод, и не сократишь ли ты хоть немного наш путь?

Очень удивился сын, услышав такие слова.

– Как же я могу утолить твой голод? – говорит он отцу. – Ты ведь сам велел мне оставить дома сумку с едой. И как я могу сократить наш путь? Я даже не знаю, куда мы едем. Да не обрушится твой гнев на мою голову, но ты требуешь от меня невозможного, отец.

– Сын мой, я устал и проголодался. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Чуть не заплакал Ахмат.

– Как же я накормлю тебя, отец, – говорит он, – если мы ничего с собой не взяли. И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем!

– Горе мне, – печально сказал старый князь. – Лучше бы мне совсем не иметь сына, чем видеть, что сын мой лишен разума.

И, повернув коня, он поскакал домой.

Следом за ним тронулся и Ахмат.

«Горе мне, – думал он, настёгивая коня. – Видно, на старости лет отец совсем из ума выжил. Сам не знает, чего хочет. Нет у меня ковра-самолёта, чтобы длинную дорогу сделать короткой, и не знаю я такого слова, чтобы из-под земли еду-питьё доставать. Это только в сказках бывает».

Вернувшись домой, расседлал Ахмат коней, попил, поел и пошёл себе спать. А князю не спится.

«Я уже стар, – думает князь. – Скоро умирать мне пора. Ну как он один, своим умом, княжить будет? Как народом управлять будет? Надо скорее женить его. Достанется ему толковая жена, – может, научит она его уму-разуму».

И как решил, так и сделал.

На другой же день послал он во все концы княжества сватов – искать сыну невесту. Недолго искали сваты, а невесту нашли – лучше и не надо! И разумна, и приветлива, и собой хороша. Не откладывая дела, сыграли свадьбу. Гостям на пиру счёта не было, ели-пили до отвала, плясали до упаду. А через неделю снова позвал князь своего сына и снова велел ему готовиться в дорогу.

Опять, как в первый раз, с вечера приготовил Ахмат сумку с едой, на рассвете оседлал коней и в

назначенный час привёл их к крыльцу. И опять, как в первый раз, приказал князь оставить сумку с едой, вскочил на коня и поехал прежней дорогой. А куда – и на этот раз не сказал.

Доехали отец и сын до того самого места, где дорога расходится, и снова обратился отец к сыну с теми же словами:

– Сын мой, я устал в пути и голод мучает меня. Не утолишь ли ты мой голод и не сократишь ли нашу дорогу?

Что тут придумаешь? Не знает Ахмат, как и ответить. Понутив голову, молчит.

Разгневался отец.

– Ах ты, ишак! – воскликнул он и сгоряча стегнул сына плёткой. Потом повернул коня и поскакал назад.

Невесёлый вернулся Ахмат домой. И больно ему" и стыдно, и обидно.

И хоть ни слова не сказал он жене, сразу увидела она, что неладное что-то случилось с мужем.

– Скажи, друг, что с тобой? – спрашивает она Ахмата. – Какая забота у тебя на душе?

– Зачем говорить? – отвечает ей Ахмат. – Всё равно ты мне ничем не поможешь.

– Кто знает, может быть, и помогу, – говорит жена. И рассказал ей Ахмат всё, что с ним было: как поехал он с отцом в горы, – в первый раз и во второй раз, – как не позволил ему отец брать с собой сумку с едой, – и в первый раз и во второй раз, – куда едут – не говорил, зачем едут – не говорил, а потом сам же обрушивал на него свой гнев за то, что не мог Ахмат накормить отца и найти короткую дорогу.

– Да что он, рассудка лишился, что ли! – воскликнула жена. – Где же это видано, чтобы человека можно было накормить без еды, а дорогу сократить, не зная пути!

А в это время старый князь стоял возле дома своего сына и, приложив ухо к стене, слушал, о чём говорили муж с женой.

Услышал он слова невестки, вздохнул печально и пошёл прочь.

А наутро позвал он соседей, при них выделил невестке её долю имущества и отослал её в родительский дом.

– Довольно, – говорит, – и того, что у меня сын недалёкий, не хочу, чтобы и невестка была глупая.

Прошло ещё немного времени, и решил князь, что поедет он сам искать жену своему сыну. Не откладывая дела, велел он подать себе коня и отправился в путь.

Ехал он, ехал, и когда солнце ушло за горы, а тень от гор покрыла землю, решил князь остановиться где-нибудь на ночлег. А как раз в это время молодой пастух гнал по дороге стадо овец.

– Привет тебе, чабан, – сказал князь, подъезжая к стаду. – Не скажешь ли ты, далеко ли до ближайшего селения?

– Привет тебе, господин, – ответил пастух. – Селение совсем недалеко. Вон за тем холмом.

Видишь, народ там толпится.

– Вижу, вижу, – сказал князь. – А не знаешь ли ты, что делают эти люди в такой поздний час?

– В нашем селении умер один человек, – ответил пастух. – Вот они его и хоронят.

– Что же, этот человек совсем умер или не совсем? – опять спросил князь.

Удивился пастух. Сразу даже не нашёлся, что ответить. А потом и говорит:

– Ну, конечно, совсем умер.

– Ну, если совсем, – сказал князь, – тогда и жалеть его некому.

Ещё больше удивился пастух, но ничего на этот раз не сказал. А про себя подумал: «Видно, старик этот не в своем уме».

Наконец добрались они до селения.

– Скажи мне, дорогой, – спросил тут князь, – в чей дом могу я войти гостем, чтобы переночевать и

отдохнуть после долгого пути?

– Да будет светлым твой приход, – сказал пастух. – В нашем доме ты найдёшь и кров, и отдых, и добрую встречу. Вот наш дом, первый при въезде.

И, загнав стадо во двор, он помог князю спешиться и повёл его в дом.

Сам хозяин встал князю навстречу, а его дочь Салымхан взяла из рук князя плетёный ковёр и сняла с него бурку.

Князя усадили на самом почётном месте, около очага, дочь хозяина поставила перед ним еду и сладкое питьё, а хозяин повёл с ним добрую беседу.

Потом на подушках и коврах приготовили князю постель, и, когда улёгся он, Салымхан унесла его чучуки и ноговицы, чтобы почистить их и починить. Лежит князь на мягкой постели и слышит всё, что делается за стеной. А за стеной брат и сестра разговаривают.

– Да простятся мне эти слова, – говорит брат, – но кажется мне, что гость наш не в своём уме.

Увидел, как нашего соседа хоронят, и спрашивает: «Что, совсем умер этот человек или не совсем?» Я чуть в лицо ему не рассмеялся. Уж не думает ли он, что мы людей заживо хороним!

– Вот сразу и видно, что мал ты и ещё не набрался ума – разума, – отвечает ему сестра Салымхан.

– Если уж смеяться над кем-нибудь, так это над тобой. А гость наш – человек, умудрённый годами, он дело тебя спросил, только ты не понял его слов.

– А что ж его слова значат? – спрашивает брат.

– То значат, что хотел наш гость узнать, остались ли после покойного наследники или не остались?

Потому что, пока течёт кровь умершего в жилах его детей, он ещё не совсем умер.

Услышал князь слова девушки и подумал: «Благодарение аллаху, что он привёл меня в этот дом!

Вот за кого я посватаю своего сына. Эта девушка будет достойна княжеского рода».

И как решил, так и сделал. На следующий день вернулся он домой и послал сватов к Салымхан.

Скоро и свадьбу сыграли. Богатый был пир. Вино рекой лилось, столы от лакомств ломились, гости до усталости веселились.

Но вот прошло немного времени, и опять говорит князь своему сыну:

– Сын мой, завтра поутру мы отправляемся с тобой в горы. Позаботься же, чтобы всё было готово для дальнего пути.

Что тут делать Ахмату?

– Хорошо, отец, – сказал он, – воля твоя для меня закон.

На рассвете оседлал Ахмат двух коней и подвёл к крыльцу. Еды на этот раз он и не припасал, – ведь всё равно отец не позволит взять.

И поехали они опять прежней дорогой.

И опять на прежнем месте остановил князь коня и сказал сыну те же самые слова:

– Сын мой, я устал и проголодался. Прошу тебя, утоли мой голод и укороти нашу дорогу.

Чуть не заплакал Ахмат.

– Как же я накормлю тебя, отец, – говорит он, – если мы ничего с собой не взяли. И как я укорочу дорогу, когда я не знаю, куда мы едем!

Не стерпел тут князь:

– Эх ты, безмозглый глупец!

И он принялся хлестать сына, да так, что воздух кругом засвистел. Потом повернул коня и поскакал домой. Темнее тёмной ночи вернулись отец и сын. Наскоро расседлал Ахмат коней и пошёл к себе в дом. Сел возле очага, не ест, не пьёт, с женой не говорит.

– Друг мой, какая забота легла тебе на сердце? – спрашивает его Салымхан.

– Ах, что пользы говорить, только слова даром тратить, – отвечает ей Ахмат.

– Нет, скажи мне, – просит его Салымхан. – Кто знает, может быть, я помогу тебе.

– Никто не поможет мне, – печально сказал Ахмат. – Который уж раз берёт меня отец в поход. Куда едет – не говорит, брать еду не велит. А среди дня проголодается, с дороги собьётся и начинает меня ругать и бить – почему я голод его утолить не могу и почему короткий путь не найду.

Выслушала его Салымхан и рассмеялась.

– Ах ты, бедняга, – говорит. – Ну как это ты не понял слов отца!

– Понять легко, – говорит Ахмат, – выполнить трудно.

– Да если бы ты понял, – говорит Салымхан, – так и выполнить было бы нетрудно. Когда пожаловался он на голод, надо было тебе достать трубку, набить табаком и дать ему закурить. Закурил бы он – и забыл о голоде. Ведь не всегда у воина при себе сумка с едой, зато трубка и табак – всегда при нём. А когда попросил тебя князь укоротить дорогу, надо было тебе повести рассказ о славных делах, о храбрых людях, о том, что ты сам видел и что от других знаешь. Заслушался бы тебя князь – и не заметил, как время идёт. Умная беседа сокращает путь.

А в это время старый князь стоял у стены дома и слушал, о чём говорят муж с женой. Услышал он слова Салымхан и вздохнул с облегчением. «Не обманулся я в своей невестке, – подумал он. – Теперь, что бы ни случилось со мной, я могу не бояться за свой дом и свой народ».

И зажили они все в мире и покое.

Да недолго длился мир и покой.

Напали на владения князя разбойники-чужеземцы, самого князя в плен взяли, сёла разорили, скот угнали.

Долго томился князь в темнице. И стал он просить своих сторожей, чтобы разрешили они ему повидаться с их предводителем – Джиаткиаром. Привели князя к Джиаткиару.

– Ты хотел видеть меня? Что тебе нужно? – спросил Джиаткиар.

– У меня есть просьба к тебе, – сказал князь.

– Говори! – приказал Джиаткиар.

– Ты храбр и могуществен, – начал свою речь князь. – Ты властелин богатых селений и славного народа. Но ты молод. Послушай же старого человека. Мало что прибавится к твоему богатству и славе, если я буду сидеть у тебя в темнице. Но если ты освободишь меня, я дам тебе богатый выкуп.

– Чем же ты, несчастный, хочешь откупиться? Что есть у тебя такого, чего нет у меня? – спросил Джиаткиар.

– Если ты освободишь меня, – сказал князь, – я дам тебе пятьсот баранов с кривыми рогами и пятьсот с прямыми, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот без рогов.

– Кто же поверит тебе, – засмеялся Джиаткиар, – что ты приведёшь мне такое стадо? Что-то я не слышал, чтобы на свете были бараны с прямыми рогами, а быки без рогов. Я хоть и молод, а не глуп.

– Если ты не веришь мне, – спокойно сказал князь, – давай сделаем так: я останусь здесь, а ты пошли своих гонцов к моему сыну. Пусть они скажут ему, какой выкуп должен он за меня дать.

– Хорошо, – согласился Джиаткиар, – я pošлю своих гонцов. А ты останешься у меня заложником.

– Только не забудь сказать своим гонцам, – вспомнил вдруг князь, – что, когда придут они в мой дом, пусть первым делом возьмут топор, что лежит у самого входа, хорошенько наточат его на оселке и срубят средний столб – тот, который подпирает крышу дома. Так было у нас условлено: если попаду я в беду и пришлю за выкупом, только тому верить, кто срубит средний столб посреди дома.

– Что ж, пусть будет по-твоему, – засмеялся Джиаткиар. – А если и после этого не пришлют за

тебя выкуп, я отрублю тебе голову.

И, сказав так, он приказал своим гонцам отправляться в путь.

Приехали гонцы к дому князя и, не говоря ни слова, взяли топор, отточили хорошенько и принялись рубить средний столб.

Увидел это Ахмат и чуть было не бросился на гонцов. Но вовремя удержала его Салымхан.

Терпеливо выждала она, пока пришельцы кончат свою работу, а потом пригласила их в дом и усадила за стол.

Поели гости, попили и тогда только сказали, зачем они пришли.

Всю ночь ломал Ахмат голову, всё думал, как бы спасти отца. Да разве спасёшь его?

Невозможного требуют гонцы.

Наутро решил он созвать весь народ.

– Если не найдёте, – говорит, – пятьсот баранов с прямыми рогами и пятьсот баранов с кривыми рогами, пятьсот быков с прямыми рогами и пятьсот быков безрогих, не видать вам больше вашего князя.

Не знает народ, что и делать.

Быков с прямыми рогами и баранов с кривыми рогами найти не трудно. А вот где взять баранов с прямыми рогами, а быков без рогов? Таких и на свете нет. Может, согласится Джиаткиар взять вместо них коров – они бывают безрогими, или коз – у них рога прямые.

Пошёл Ахмат к гонцам. А те и слушать ничего не хотят.

– Ваш князь, – говорят, – сам пообещал за себя такой выкуп. Уж, наверное, он знал, что говорит.

Так прошло три дня. Но ни одного барана с прямыми рогами, ни одного быка без рогов не нашлось во всём княжестве. Да и откуда им взяться? Нет таких на всём свете.

Тогда сказала Салымхан мужу:

– Позволь мне поговорить с твоим народом. Может быть, помогу я невозможное сделать возможным.

Опять собрал Ахмат своих подданных. Вышла Салымхан к народу и сказала так:

– Да не обрушится ваш гнев на мою голову. Да простятся мне, слабой женщине, слова, с которыми я обращусь к вам, мужчинам. Я хочу помочь вам трудное сделать лёгким, невозможное – возможным. Вижу я, как бьётесь вы, чтобы выручить старого князя. Только нет вам удачи, потому что не можете вы найти ни баранов с прямыми рогами, ни безрогих быков. Но, благодарение аллаху, нашему князю этого и не надо. Не об этом он просит. Просит он, чтобы собрали вы храброе войско и чтобы пятьсот воинов были вооружены ружьями – вот вам бараны с прямыми рогами, чтобы пятьсот воинов были вооружены саблями – вот вам бараны с кривыми рогами, и чтобы ещё пятьсот воинов были вооружены копьями – вот вам быки с прямыми рогами. И пусть это войско нападёт на Джиаткиара и освободит князя силой. А когда наши враги будут побеждены, ещё пятьсот человек должны войти в их селение и отнять у них всё, что награбили они в наших домах. Этим оружие не нужно – вот почему называет их князь безрогими быками. А чтобы могли вы напасть на разбойников нежданно-негаданно, чтобы не ушли они от вас, велит князь схватить всех гонцов. Тогда не удастся им предупредить Джиаткиара и будут они так же бесполезны, как бесполезен срубленный ими столб.

Обрадовался народ, услышав слова Салымхан. Часа не прошло, как уж собралось в поход войско.

Дня не прошло, а уж вернулось оно с победой. Впереди войска шёл сам князь, а позади шли пленные со своим предводителем Джиаткиаром.